

От редактора

Помнится, Владимир Соловьев сказал, что Достоевский писал для людей, которые забыли катехизис. Я бы хотела подчеркнуть в этом высказывании слово “забыли”. “Забыли” – означает, что могут вспомнить, что есть, что вспоминать, что сквозь кору их нынешнего беспамятства способно пробиться *напоминание*; а истинное искусство и есть не что иное, как напоминание, заставляющее вспомнить о том, что мы знали еще в детстве (а что-то, может быть, – еще до рождения), но забыли от взрослой окаменелости, от окостенения сердца.

Современники Достоевского забыли катехизис – наше положение иное: *мы никогда не знали катехизиса*. Это означает, что нас нельзя заставить его вспомнить. Для нас невнятен язык напоминания, который всегда – язык намека, слова этого языка звучат для нас впустую: мы не замечаем, что нам на что-то намекают. Читая Достоевского, да и многих других авторов XIX в, современный читатель попадает в положение новичка на дружеской вечеринке, где для всех за любым словом встает целая история, и поэтому одно слово способно вызвать взрыв хохота или, наоборот, навести грусть на лица, или стать причиной обиды, спора, резкого ответа, а новый знакомый только недоумевает, что это все, например, смеются из-за обычного, вовсе не забавного словечка.

Сказанное объясняет, почему сейчас актуален как никогда тип издания, представляющий собой “Дополнения к комментарию”.

Дело не только в том, что нельзя объять необъятное и в области любого типа комментария всегда будут какие-то новые находки, безусловно представляющие для нашего издания интерес. Суть не в количественных наращениях, а в качественном скачке, который произошел за последние несколько лет. Дело в том, что во время издания 30-томного собрания сочинений* просто не подозревали, что какие-то (очень многие) вещи нужно комментировать, что они имеют смысл и значение за пределами первой и непосредственно вос-

* Хочу подчеркнуть, что я высоко ценю академическое Собрание сочинений, и, во всяком случае, без этого корпуса опубликованных в тяжелейших условиях и действительно академически откомментированных текстов современная наука о Достоевском просто не существовала бы. Как известно, если мы и можем оказаться выше наших предшественников, то только за счет того, что стоим на их плечах.

принимаемой читателем информации. Самый простой, очевидный и уже подробно разработанный в литературоведческих исследованиях пример: имена в литературе реализма XIX в. Как-то предполагалось, что “говорящие имена” остались в эпохе классицизма, вновь проникнув в литературу в массовом масштабе не ранее эпохи символизма. Отдельные имена и фамилии с наиболее очевидным и бросающимся в глаза значением комментировались, но это никак не возводилось в общий принцип. Сейчас, однако, для исследователей творчества Достоевского практически очевидно, что имена *никогда* не давались автором бессмысленно, причем им предполагалось знание читателем значений православных имен (в основном – с греческого) и, естественно, чтение значений иностранных фамилий. Думаю, что Гончаров и Достоевский, свободно читавшие по-немецки, очень удивились бы, если бы узнали, что их читатели не улавливают смысла фамилий, скажем, Штольца и Шнейдера. Но и с русскими фамилиями дело обстоит не лучше (если не хуже), потому что опять-таки для Достоевского было, например, невозможно вообразить, что его читают люди, не прочитавшие “Историю” Карамзина. И он дает ссылку при фамилии князя Мышкина на известнейший эпизод российской, московской истории. Эта ссылка игнорировалась отечественной наукой о Достоевском, во всяком случае, теми, кто осуществлял комментирование изданий его произведений, все время ее советского существования, хотя ссылка эта самым существенным образом могла бы изменить наши взгляды на проблематику романа “Идиот”. И игнорировалась она просто потому, что никому не приходило в голову, что *это может иметь значение*.

Я взяла самый простой случай. Но не только имена – многие слова, используемые авторами XIX в. не воспринимаются нами в том смысловом объеме, в котором они тогда существовали. Это положение можно генерализовать.

Радикальное отличие того русского языка, на котором мы говорим сейчас (и который мы, как правило, только и способны воспринимать в художественном произведении), состоит в резком сокращении смыслового объема, открывающегося нам в слове. При этом мы находимся в приятном заблуждении, что слышим именно то, что нам говорят. На самом деле, тот объем смысла, который с легкостью, “на слух” воспринимался, по крайней мере, определенным кругом читателей XIX в. (на которых, как правило, и ориентировались писатели, так как были с ними хорошо знакомы), для нас восстанавливается лишь путем кропотливого исследования с привлечением множества источников. Иными словами, мы не знаем не только катехизиса.

Книги, по которым дети в XIX в. учились читать, сейчас часто знакомы лишь специалистам. Из образовательного курса несколь-

ких поколений в XX веке были исключены обязательно изучавшиеся опять-таки определенным кругом в XIX в. древние языки, катехизис и библейская история, практически исключены (ибо переработаны до полной неузнаваемости) история древняя и отечественная.

Следствием этого было не просто уменьшение объема знаний у читателей. Читатель, убеждаемый в советское время всеми воспитательными учреждениями в том, что реальность сводится к тому, обо что можно стукнуться лбом, потерял навык герменевтического чтения – и книги, и жизни. XIX же век еще хорошо помнит о традиции *разговора с миром*, чтения мира как книги, где вещь становится словом, обращенным Богом к человеку, сквозь бытовую сценку проглядывает притча, а каждое событие нашей жизни должно быть осмыслено как наставление и назидание.

Собственно, за последние несколько лет и произошло воскрешение этого навыка. Как всякий воскресший, он нуждается в долгой реабилитации, прежде чем вновь вступит во все свои права. Зародившийся новый тип комментария – это и есть реабилитационный процесс.

В комментарии ныне нуждается и целый ряд искажений текста Достоевского, связанных с введением “новой орфографии”, а также с унификацией пунктуации в его произведениях.

Надо сказать, что отдельные графические элементы текста в ряде случаев становились особо *существенным* орудием поэтики писателя в тех или иных произведениях. Так, например, в “Двойнике” огромную смысловую нагрузку несли ударения в словах “что” и “как”, причем ударения эти не воспроизводились при публикации текста в советскую эпоху. Достоевский пользовался и совсем особыми пунктуационными приемами, свойственными, по нашим представлениям, лишь эпохе модерна (например, “только открывающая кавычка”: этот его прием был уничтожен публикаторами XX в. по неведению, исключение представляет лишь издание Б. Томашевского и К. Халабаева).

Особую, болезненную и назревшую, проблему представляет собой неадекватное прочтение и интерпретация черновых записей и записных книжек в академическом Собрании сочинений в 30 томах. Но ее решение еще впереди.

Форма статей, представленных в издании, неизбежно должна быть разнородной. Это может быть законченная статья; это может быть в полном смысле слова именно *комментарий* к слову, имени, эпизоду, детали; это может быть и комментарий к комментарию (скажем, интерпретационный комментарий к фактическому комментарию, опубликованному здесь же). И т.д. Здесь осуществляются и публикации материалов к истории русской науки о Достоевском (глава из диссертации А.А. Сабурова), и переводы статей зарубеж-

ных ученых, ценные с точки зрения комментаторской и не вошедшие до сих пор в оборот отечественной науки о Достоевском (статьи Малькольма Джоунса*).

Подготовка коллективного труда “Достоевский. Дополнения к комментарию” осуществлена Комиссией по изучению творчества Ф.М. Достоевского ИМЛИ им. А.М. Горького РАН в рамках проекта “Достоевский и XX век”, поддержанного РГНФ (02-04-00147а), и частично профинансирована РГНФ. В первую очередь это касается раздела «“Преступление и наказание”»: некоторые итоги и новые проблемы комментирования романа на рубеже XX–XXI веков». В сущности, сам замысел “Дополнений к комментарию” как особого типа издания стал возможен в связи с необходимостью подвести итоги комментирования произведений Достоевского в XX в. и с возникновением нового типа комментария, настоятельно заявившего о себе на рубеже тысячелетий. Об этом ставшем необходимым во всех современных научно и качественно подготовленных изданиях произведений Достоевского новом типе комментария и шла речь в редакторском предисловии.

Татьяна Касаткина

Редколлегия выражает искреннюю признательность Наталье Шварц, без надежной и скорой помощи которой наш труд не имел бы возможности состояться.

Цитаты из произведений Достоевского, кроме случаев, специально оговоренных авторами статей, приводятся по Полному собранию сочинений в 30 томах (Л.: Наука, 1972–1990). Том и страница указываются в тексте в скобках.

* Переводы статей тщательно просмотрены и одобрены автором. Переводчики и редактор приносят Малькольму Джоунсу свою искреннюю признательность за сотрудничество.